Расул ГАМЗАТОВ:

Я НЕ ЛЮБЛЮ СЛОВА «НЕЗАВИСИМОСТЬ»

К 60-летию образования Союза писателей СССР

С Расулом Гамзатовичем Гамзатовым мы не виделись больше двух лет: ТАКОЕ время на дворе, все труднее становится жизнь, все сложнее общаться, границы времени и пространств изборозди́ли уродливыми кривыми чистый и светлый лик Родины, только память сердца остается нетленной, память и надежда. И, наверное, поэтому появление в президиуме недавно состоявшегося III съезда Компартии Российской Федерации таких известных и любимых народом корифеев советской культуры, как Расул Гамзатов, Махмуд Эсамбаев, Николай Губенко, Юрий Бондарев, стало настоящим праздником души. Тогда же, на съезде, мы и условились с Расулом Гамзатовичем о встрече, чтоб неспешно, без суеты, побеседовать о предстоящем юбилее писательского союза, «о текущем моменте», как принято говорить, и, конечно же, о поэзии, литературе.

В назначенный час звоню в знакомую дверь московской квартиры Гамзатова, ее открыл он сам, как всегда приветливый и радушный. Вот только совсем белой стала за это время его голова. А глаза по-прежнему молоды и остры лишь иногда, во время разговора, они потемнеют вдруг от боли и печали — так неожиданные спускаются в горное ущелье сумерки в предвестье долгой непогоды.

Я знаю, как не любит Гамзатов долгих пре-дисловий. «Ведь если быка, пробегающего мимо, не успеешь схватить за рога и удержать, то за хвост его уже не удержишь»,— говорит Гамзатов. Что ж, попробуем схватить за рога...

— Расул Гамзатович, 60 лет назад состоялся первый съезд писателей СССР и был учрежден первый в стране творческий союз — Союз писателей. Все последующие десятилетия авторитет его среди народа и мастеров слова был очень высок. Союз писателей был средоточием духовности и мудрости нации, ее интеллекта и таланта. Писательское слово несло свет разума и добра, истинной чести и благородства. Сужу об этом как читатель, ваш современник. А чем был Союз писателей для вас, кого по праву называли «инженерами человеческих душ»? О чем думаете вы сейчас, в связи с юбилеем вашего Союза?

— 60-летие Союза писателей СССР — событие очень большое,— говорит Расул Гамзатович и задумывается.

А я вспоминаю надпись на колоколе: «О празднике он возвещать нам рад. Но дремлет в нем и яростный набат» — надпись, взятую поэтом к одной из глав его книги «Мой Дагестан». Не радость ли, сплетенная с яростью, означает это молчание?

А Гамзатов неожиданно смеется.

— 60 лет — это уже пенсионный возраст, но литература, наверное, не пойдет на пенсию, а? Мы отмечаем 60-летие в сложное время. Многих из тех, кто хотел бы отметить эту дату, уж нет, а те, как говорится, далече. Многие отошли от литературы и словесочетание «советская литература» на дух не переносят, а иные поверяют реформации все, что было в эти 70 лет, и считают, что литературы как таковой за этот период вообще не было. Сейчас начали ниспровергать даже Горького и Маяковского. Но как бы их ни чернили и ни ругали, никто ведь не отнимет, что один из них — великий поэт, а другой — великий писатель. Клевещут на Шолохова, но романа, который можно было бы поставить рядом с «Тихим Доном», никто из этих ниспровергателей почему-то не написал.

— Это великий роман!

— Великий! Это «Война и мир» двадцатого века! Все, что создано в советский период, сегодня подвергается ревизии, остракизму, хотя ничего, что можно было бы даже слегка приблизить к тому уровню, в последние годы ведь не создано этими «новаторами» — «демократами». И так в любой области. Стали зачеркивать Станиславского и Немировича-Данченко. Конечно, режиссеров и претендентов на это звание у нас пруд пруди, беда, талантливые есть, а великих — мало. У Станиславского и Немировича-Данченко была прекрасная судьба, блестящая судьбой нашей Родины, народа. И они были добрее и уважительнее к другим народам и другим культурам, чем нынешние ниспровергатели прошлого.

Я — не сторонник безоговорочной реставрации. В прошлом было немало такого, что следовало бы выполоть, как сорняки на ухоженном поле. Были всякие юбилейные праздники, бахвальство и хвастовство, противоречившие литературе, были многочисленные награды — заслуженные и незаслуженные, а бывало, что писателей и усмиряли.

Говорят, как-то Сталину сказали, что три литератора ругали его, то есть Сталина, и критиковали ЦК. Что с ними делать? Сталин сказал: «Одного сослать, другого не печатать, третьему орден дать». Может, такое выдумка, но в этом приметы того времени. Сейчас критики советского периода без конца твердят о репрессиях, цензуре, о том, что литературой руководили партия, аппарат партийных органов. Все это было, но — вот парадокс! — литература, эта преинтереснейшая Штуковина, жила и развивалась.

Это были годы плодотворные для нашей литературы. Было гигантское литературное пространство. И писатель, на каком бы языке он ни писал, даже самого малого народа, отвечал за весь мир. Мы познали почет и уважение народа, это так. Но мы ощущали себя и государственными людьми, ответственными за нашу страну и за благополучие, духовное здоровье народа. Сейчас голос писателей почти не слышен...

— А что значило создание Союза писателей СССР для многонациональных литератур народов нашей страны? Благом это было или, напротив, тягчайшим злом тоталитаризма, о чем постоянно твердят телерадиоэфир и пресса уже десять лет? Неужели в советский период была повсюду задушена национальная культура? Помните, как все вдруг заговорили о национальном возрождении, о том, что больше «пострадал»?... Я не люблю и не принимаю сегодняшний лозунг о национальном возрождении. У нас национальное возрождение состоялось, а теперь оно позади. Наша литература была многокрасочной, многоязычной, жизнеспособной и боеспособной, а сейчас она едва-едва существует.

Лично я всю свою жизнь был связан с Союзом писателей, уже 45 лет возглавляю Союз писателей Дагестана. Меня избирали не потому, что я хороший, а потому, что боялись: вдруг хуже меня придут. И мой отец был народным писателем Дагестана, участвовал в работе первого съезда писателей. Правда, до 1934 года он почти не видел своих стихов напечатанными. В 1934 году вышла его первая книга, тогда он приехал в Москву и заговорил во весь голос. И десятки книг потом вышли, и признание он получил — все при Советской власти.

Каждый горец должен иметь дом и поле. Хорошая или плохая, но сакля была у каждого писателя — это дом, где он живет и пишет. Но без поля горец жить не может. Поле кормит человека. И поэтому говорят: три дома отдам за одно поле. А поля у писателей Дагестана, издательского поля, не было. И вот появились десятки издательств в Дагестане и на всем Кавказе, где печатались книги на языках разных народов. Прежде мы были лишены даже русской литературы, до Октябрьской революции мы не знали «Хаджи-Мурата» Льва Толстого — лучшей повести девятнадцатого века, мы не знали «Капитанской дочки» Пушкина... Дагестанцы получили великую русскую литературу и благодаря русскому языку вошли во всемирное здание многоголосой литературы всех народов Земли.

Еще раз повторю: нынешние лозунги национального возрождения считаю несостоятельными. Кто мешал мне на аварском в школе учить-ся? Кто мешал поставить аварский театр? Да именно в тегоды в Дагестане было создано семь национальных театров! А что же сейчас? Сейчас литература у нас издается на одиннадцати языках, песни поются на сорока языках, а ругаться мы стали на ста языках. Раньше этих ста языков не было.

Потери, конечно, были и тогда. Но цензура есть и сейчас, только она по-другому называется. Меня в школе учили на произведениях Безыменского, Жарова, Демьяна Бедного. Виктора Гусева. Спасибо, что классическую литературу, Пушкина и Лермонтова преподавали. Литература в школе была слишком партийной, и сейчас я не люблю лозунг партийности литературы. Есть просто литература. Утверждение жизни, отражение жизни, отрицание, протест, любовь, подвиг, красота, доброта... Это и есть партийность. Но в народность литературы продолжаю верить. Я и сейчас приверженец народной литературы. И я думаю, что Махмуда, Батырая, классиков других народов, живших до революции, тогда вполне можно было обвинить в безыдейности, аполитичности и т. д. Вот это было негативным моментом. Но это частность. «Сотри случайные черты, и ты увидишь»... прекрасную многонациональную советскую литературу.

— В прежние времена актуальным был девиз «Дружба народов — дружба литератур». Под этим девизом проводились дни и декады национальных культур в Москве и во всех республиках, встречи литераторов. Они, как нам тогда казалось, сближали и обогащали и писателей, и читателей. Потом все это было осмеяно «демократической» прессой и литераторами-апрелевцами. Как вы считаете, надо ли было отказываться от этого девиза? Он что, стал реакционным?

— Я не боюсь прослыть консерватором и потому говорю открыто: мне нравятся слова Павло Тычины «чувство семьи единой». Такая семья у нас была, и не надо было ее разрушать. А если есть семья, то почему надо бояться или стесняться великий народ назвать по праву старшим братом? Ведь в семье есть старшие дети и младшие, и это никого не унижает. Я был бы счастлив, если бы мой народ дал миру Толстого и Достоевского. Но не дал же! И никакого самоунижения нет в том, что мы называли русский народ старшим братом, он и был им, потому что всех нас защищал, за всех нас страдал. И у старшего было больше обязанностей, чем прав. Сейчас эти слова произносить нельзя, они опоганены, как все доброе, дорогое, что ценили мы прежде. И в этом виновны существующий режим и его «соловьи».

Вот так была осмеяна и дружба наших народов, дружба литератур. А что получили взамен? Сейчас мы не знаем, что творится в украинской литературе, и от этого все мы беднее стали. Какое положение в грузинской литературе? Это же интересно! Прежде мы учились друг у друга. Что в азербайджанской литературе? Мы не знаем. И меня спрашивают: «Почему вы молчите?». Я не молчу! Но я в моем возрасте и в моем положении не могу звонить на телевидение или в газеты: «Напечатайте меня! Дайте слово!». А раньше ко мне приходили, просили выступить...

(Окончание на 4-й стр.).

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

Сейчас все переоценивают по-новому. Теперь появились новые «демократические» Безыменские, Жаровы, Гусевы и Демьяны Бедные. Они правят бал. Для них Тихонов — не поэт, Сурков — не поэт, Светлов — не поэт... Совсем забыли самых лучших.

Нам было интересно все, что происходит в стране. Мы были одной семьей. Сейчас, что, я должен визу просить к брату? Ко мне в Махачкалу приезжали Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Абашидзе, Самед Вургун, Мирзо Турсун-заде, Тихонов, Павленко, Луговской, Твардовский, Симонов, Геворк Эмин, Гроссман, Крон, Казакевич, Тихонов, Завадский...

Сейчас демократические писатели ругают Суркова. Но вспомните хотя бы «Бьется в тесной печурке огонь...». Он навсегда останется в литературе этими строками, с которыми солдаты прошли всю войну. Исаковского не вспоминают. «Враги сожгли родную хату», «Катюша», десятки других его стихов стали песнями, которые пел весь народ и поет до сих пор. Без этих его строк, как и вообще без поэзии Исаковского, наша литература просто немыслима.

Вот группа писателей объявила себя шестидесятниками. Ни одного национального имени среди них нет. А ведь они были и есть. Был в Грузии Нодар Думбадзе, такое яркое явление! Чингиз Айтматов в Киргизии, Олжас Сулейменов в Казахстане. Но все они почему-то шестидесятниками не считаются.

Я не против них, среди них уважаемые, большие писатели. Но почему они присвоили себе это имя, почему некоторые изображают себя страдальцами? Разве их печатали меньше других? Тогда их тоже печатали и читали, никто им не мешал, и у каждого в Кремле был любимый друг. И генерал Милорадович не вызывал их на Сенатскую площадь. А если тоталитарный режим был плох, говорите о «прекрасном сегодня». Где ваши великие творенья? Их нет, потому что для подлинной литературы не бывает плохих или хороших времен.

Какие значительные произведения появились сейчас? Новых прозаиков не видно. Я не знаю, есть ли поэты среди тридцатилетних. Художников молодых тоже не знаю. Но, может, я просто необразованный? — смеется Гамзатов. Смех грустный. Потом продолжает: — У нас не могут без крайностей. Помню, мне в школе не преподавали Есенина, Ахматову, Цветаеву, Пастернака. Сейчас они вернулись, но их используют теперь для другой борьбы, хотят затмить ими Горького, Маяковского... Но оттого, что пришел Бунин, Горький не должен уйти из литературы. И разве из-за того, что подняли из забвения Булгакова, Шолохов должен уступить место и уйти?

Сейчас приняты такие правила игры: он — диссидент, значит, хороший писатель. Но так не бывает! И никто не докажет мне это. Мерилом таланта не являются репрессии или диссидентство. Никто не докажет мне, что Тихонов меньше поэт, чем Бродский. Сейчас некоторые писатели стали думать, что этой профессии надо подчинить Родину, а не наоборот — служить Родине своей профессией, своим талантом. Даже Твардовского стали использовать в политических целях, вспоминая в основном его как редактора, а как поэт он сейчас почти не упоминается. Якобы борясь с «партийной литературой», на арену снова вышли политические силы, но уже изменив, полярно поменяв свои политические взгляды, и начали наступать на литературу. И сегодня мы потеряли литературное пространство.

Недавно я ездил на юбилей Мустая Карима. Не потому, что мне позволяли мой возраст и здоровье — я не хотел потерять друга.

Я НЕ ЛЮБЛЮ СЛОВА «НЕЗАВИСИМОСТЬ»

— А юбилей классика советской литературы прошел незамеченным...

— Ни печать, ни телевидение ничего не сообщили. А в прежние времена это стало бы общим праздником. Теперь доброта исчезает. Все друг друга допрашивают: кто виноват, что виновато? Все режимы к литературе относились небрежно, смотрели на нее как на приложение к своим идеям. Сейчас то же самое. В начале девяностых годов, когда шла перестройка, я говорил, что соскучился по демократии. Я стремился к демократии, и ко мне тянулись микрофоны, иногда по нескольку штук сразу. Но теперь я говорю, что соскучился по порядку, и микрофоны сразу исчезли.

Мы с вами должны помнить об ответственности. За генералами идут солдаты — по приказу, у них нет выбора. У писателей нет солдат, за ними идут читатели, простые люди, и надо быть ответственными перед ними за каждое свое слово, каждую строку.

— Я согласна с вами. Поэт, писатель, как мне кажется, потому и становится духовным ориентиром для своего народа, своей нации, что своим большим, чутким сердцем воспринимает его боли, тревоги и надежды, как свои собственные, и даже сильнее своих. Он всегда вместе с народом, особенно на переломе жизни, в дни бед и трагедий он разделяет судьбу своих сограждан. Но вот в октябре 1993 года, когда нас, безоружных, расстреливали по приказу президента в Доме Советов, 42 литератора подписали письмо Ельцину, в котором требовали давить, запретить, уничтожать... Как совместить это с гуманистической миссией писателей?

— Писатель не имеет права быть злым мстителем, он должен быть бережным даже с врагами. Я помню, как один деятель призывал уничтожить даже женщин, если это враги. И в «Белом доме» пострадали женщины, дети, старики, безоружные люди.

Я, например, никогда не скажу: давить Ельцина, Горбачева, давить апрелевцев, давить... Никогда не скажу, потому что это живые люди. Преступления надо наказывать — по суду. Убийство детей — это преступление, это горе и позор всей страны. Это порок общества.

А что сейчас получилось из позиции новоявленных «властителей дум»?! Голод, холод, разруха, унижение страны, уничтожение памяти и памятников погибшим за Родину. Я против ГУЛАГа вообще, но эти люди сотворили новые потрясения, новые войны, новые ГУЛАГи для других...

— Я знаю, уже много лет вы говорите о согласии, национальном примирении. Я помню, как в Махачкале, в Гунибе и во Владикавказе на празднике «Белых журавлей» вы говорили, что люди должны протягивать друг другу руки для дружеского пожатия, но не с оружием. А сегодня ваш родной Кавказ в огне, Чечня залита кровью... И ваши слова сегодня стали еще актуальнее... Как вы воспринимаете эти события?

— Мое сердце окаменело от горя... Два моих старших брата погибли в Великую Отечественную войну. 90 тысяч дагестанцев сложили свои головы за то, чтобы жил наш великий Советский Союз, а сегодня за что умирают российские солдаты? У нас говорят: «Маленьких по голове бить нельзя». Это был закон, и его не нарушали веками. А сейчас бомбы бросают на детей, и бомбы не выбирают национальности. Тысячелетиями народные мстители у нас отплачивали за пролитую кровь, тысячелетиями кровь не просыхала, и снова все порушено!.. Даже Гитлер говорил, что надо быть осторожнее с Кавказом. А наши рубахи-политики... Какие выражения! Пусть Дудаев виноват, но заявлять: «Встречаться с ним не буду! С бандитами мы не разговариваем! Пусть сдается!»...

Сейчас в Дагестане уже 45 тысяч беженцев из Чечни. Разве нельзя было предотвратить трагедию? Махмуд Эсамбаев сказал мне горько: «Лучше бы нас выслали. Чем так уничтожать!». А сколько русских матерей уже потеряли на этой войне своих сыновей?!

Не могу не сказать о позиции российской «демократической» прессы — она восхитительно античеченские настроения вспомните, как бесконечно муссировалось: «лица кавказской национальности», «чеченское происхождение»...

Почему Толстой хорошо писал о чеченцах? Почему Лермонтов ничего плохого о чеченцах не сказал, а ведь он там воевал! Бестужев-Марлинский восхищался этим народом, Полежаев... В ущерб интересам народов, нанеся удар по доброте и благородству русского народа, России... развязали войну. Кто лучше понимает ситуацию в Чечне? Чья душа болит больше, чье слово было бы авторитетным для тех, кто попал в зону беды? Кто мог бы сказать слово примирения? Чеченские писатели, адыгейские писатели, дагестанские писатели, которые находятся рядом и видят, что происходит. Но к нам же не обращаются! И вот сидим мы дома и сами для себя комментируем события.

Убийству нет никакого оправдания, какими бы целями война ни прикрывалась. Говорят, отстаивают целостность России а Дудаев отстаивает независимость Чечни. Уничтожая народ Чечни, целостность России не сохранишь. Целясь в Россию, независимость не приобретешь.

На своем юбилее я сказал: «Я не люблю слова «независимость». Я независимость потерял сразу, как женился. С тех пор, как стал поэтом, у меня нет независимости. И я не хочу быть независимым от своего народа, от соседних народов, от всего мира.

Я не люблю слова «суверенитет», оно придумано политиканами. Это французское слово, его нет в словаре Даля. Но теперь все помешались на суверенитетах и на возрождении народов. Только и слышишь: «Независимость! Суверенитет! Национальное возрождение!» О чем шумите, господа? Я не знаю сейчас, откуда Россия даст независимость другим народам, когда у нее самой нет ее? Нет независимости, нет свободы. Если у тебя в кармане нет денег, ты не сможешь дать их нищему.

Сейчас глупейший выдвинули лозунг в многоязычной стране: «Россия!» Додумались сделать гербом двуглавого орла. Кому это понравится? Горцам, которые помнят, как под этим орлом выжигали наши селения?

В Дагестане на Гуниб-горе есть памятник Белым журавлям. 24 памятника Белым журавлям появилось уже в стране. А на Гуниб-горе в могиле солдат апшеронского полка лежат русские парни из Калуги, Рязани, а рядом могилы шамилевских мюридов. Мы сохраняем и русские березы, и дагестанские тополя, они шумят рядом, и разве вместе им плохо? Зачем им лежать отдельно? А живые тем более должны быть вместе. Разве в Чечне не могут жить вместе русские, чеченцы, украинцы — все?...

С чего все началось? С Карабаха. Грузия — грузинам! Литва — литовцам! Молдавия — молдаванам! Все время думаю, не дай Бог, если так заявит мой Дагестан — многоязыкий, многонациональный, как пестрый альпийский ковер.

— Уже слышишь и: «Россия — русским!»

— Это ужасно. Шовинистические лозунги и настроения отталкивают людей от России. А нам всем надо быть вместе. Я рассуждаю по-другому. Надо не земли завоевывать, а сердца. Пусть оккупантами будут наши мысли и чувства, пусть станем мы колонизаторами эмоций и волнений. А Россию можно любить или не любить, это их дело, но без России никто не выживет. Чем сильнее будет Россия, тем лучше для всех нас.

— Скоро мы будем отмечать 50-летие Великой Победы советского народа над гитлеровской Германией. Это действительно будет праздник со слезами на глазах; совсем другая теперь страна... Что из тех времен нам нужно взять в день сегодняшний?

— Во время войны я был членом антифашистского комитета молодежи Северного Кавказа. Тогда народы были едины. И вообще к войне мы подошли единым духом. Даже писатели, что раньше ссорились, во время войны помирились. Война положила конец всем раздорам. Родина в опасности!

А если говорить о литературе, то война стала большим очищением и вдохновением для искусства. «Жди меня» Симонова — это классика. Кто написал сегодня нечто подобное? Великие испытания рождают великую литературу. Из тех времен нам надо взять вот эту симоновскую веру, и мужество, и — надежду.

А то сейчас над президентским дворцом в Грозном флаг повесили и шумят об этом. Это позор! Флаг над рейхстагом — это победа, а здесь что? — сердито, нет, скорее, гневно вопрошает Гамзатов.

— Расул Гамзатович, не так давно, в дни вашего юбилея, «Советская Россия» напечатала цикл ваших новых стихов. В них преобладают трагические ноты, в них бьется тревожный пульс нашего грозового времени. Какие стихи приходят к вам сейчас: Над чем вы работаете?

— На аварском языке вышла моя книга «Колыбель и очаг», там мои переводы Дениса Давыдова. Пушкина, Лермонтова. Кюхельбекера, Дельвига. Николая Языкова, Кондратия Рылеева... Я делаю антологию русской поэзии на аварском языке. Разве эти поэты исказят самобытность аварской литературы, если заговорят на нашем языке? Наоборот, она станет богаче, самобытнее. А сколько аварских писателей заговорило на русском языке? Тираж книг отдельных писателей больше, чем население Дагестана.

Русская литература, русский язык сделали весь фольклор наших народов достоянием всех. Раньше, до Советской власти, великие поэты были в забвении. Хотя жили рядом, но не знали друг друга. Сейчас слова «Совет» боятся, как огня. А оно ведь исконно народное. Каждый народ требует Совета.

На русском и на аварском вышла книга «Колесо жизни». Я хотел доказать, что миром правят подвиг, красота, правда. Не знаю, как мне это удалось. Книга «О бурных днях Кавказа» — это о Шамиле, о Кавказской войне, о борьбе кавказских народов. Она вышла в «Современнике». В заглавие последней книги я вынес лермонтовскую строку «В полдневный жар в долине Дагестана...»

— В той страшной войне мы победили, а сейчас осуществлено то, чего добивался Гитлер. Страны единой нет, народы перессорились, льется кровь, идет война. Почему тогда мы победили, а необъявленную третью мировую войну проиграли?

— То, что сделано,— это преступление. Говорят: мы шли к этому. Нет, не шли! Это сверху все разрушили. А народы были обмануты. Начали отбрасывать плохое и не остановились перед настоящему хорошим, святым. Молитвы спутали с песней. Однажды я наблюдал такую сцену. К пивной будке в Махачкале очередь. Подходит инвалид, просит дать ему пива без очереди. Один, сытый, парень говорит: «Если б не этот инвалид со своей победой, мы бы теперь бавар-ское пиво без очереди пили». Для некоторых основой жизни становится голый прагматизм, ничего святого не осталось. Это так называемые «новые»... Ну а большинство людей, если их спросить, проголосуют за Советский Союз. Ведь их отцы и старшие братья за него отдали жизнь.

— Расул Гамзатович, но все-таки видите ли вы в перспективе что-то светлое и доброе, хоть какие-то перемены к лучшему?

— История свидетельствует: все войны кончались миром, даже самые кровопролитные. Не бывает плохих времен, плохих веков. Бывают плохие люди, которые делают жизнь невыносимой. Будущее зависит от того, сумеем ли мы выдвинуть достойных людей и насколько хорошо все мы станем трудиться. Без труда, без патриотизма, без интернационализма перейти к лучшему ждать нечего. Нам надо открыто сказать, что народам вместе было хорошо и будет хорошо. Другого пути нет.

— Вы остались в Коммунистической партии?

— Я не ушел. Я в партию вступил в сорок втором году, мне нравились тогда лозунги: «Ни шагу назад! Коммунисты, вперед!». Эти лозунги надо сохранить сегодня.

Беседовала
Надежда ГАРИФУЛЛИНА.